

УДК 9.94(36)

КУЛЬТ ИМПЕРАТОРА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ, МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПАТА, СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И. А. Ефременко

магистр исторических наук, преподаватель кафедры истории России
Белорусский государственный университет

В статье анализируются причины введения культа императора Октавианом Августом, а также роль культа в политической и религиозной жизни римского государства в I–II веках н.э. В статье за счет пристального анализа исторических источников устанавливается, что культ имел сугубо римские корни, по своему характеру являлся комплексом децентрализованных практик почитания не столько самого императора, сколько его особого божественного статуса, духов-хранителей, а также почитания уже умерших императоров.

Ключевые слова: Римская империя, Октавиан Август, императорский культ, принципат, римская религия.

Введение

Вопрос о причинах, а в особенности об источниках, объектах деификации, составивших культ императора, является одним из самых дискуссионных в историографии, посвященной истории религии древнего Рима. Очевидно, что ответ на этот вопрос носит принципиальный характер, поскольку, во-первых, от него зависит то, в каком контексте рассматривать феномен существования культа императора в системе принципата: в культурном (как один из основных проводников романизации провинций), политическом (культ как символ новой политической системы, несущий новые для Рима смыслы монархии и империи) или социальном (как символ новой социальной или даже надсоциальной силы). Во-вторых, это имеет принципиальное значение и для более глубокого понимания сущности системы принципата, так как в историографии имеет место мнение, согласно которому в период кризиса республики римская культура и религия имели скорее синкретический характер, т.е. представляли собой синтез из римских и восточных, а прежде всего греческих начал. Вместе с тем многие исследователи доказывают обратное, а именно: Рим не вбирал в себя культурные элементы других народов,

но насаждал свою культуру и свою религию, чему во многом и способствовал императорский культ. Наконец, важен здесь и еще один момент, связанный с тем, что императорский культ, вернее существование императорского культа, как правило, рассматривается в качестве критерия и маркера для определения монархического политического режима в изучаемых обществах. Однако, когда речь заходит о культе Римского императора, историки не могут однозначно признать в нем критерий для определения режима, поскольку в нем заложен достаточно противоречивый и неоднозначный характер. Более того, нет определенного ответа и на вопрос, было ли это богопочитание или же воздаяние политических и социальных почестей.

Основная часть

В научной литературе принято начинать историю культа императора с правления первого принцепса и основателя новой политической системы – Октавиана Августа [1, с. 167]. При этом введение императорского культа взаимосвязано с комплексом реформ, проведенных Октавианом. После победы у мыса Акций в 31 году до н.э. Октавиан Август фактически стал единовластным правителем обширных территорий, входящих на разных правах в состав Римского государства. Однако перед ним встала проблема легитимации своего положения. Срок действия его чрезвычайных полномочий, декретированных в 33 году до н.э., истек, а военная присяга, данная ему как главнокомандующему гражданами всех италийских муниципий, действовала только на время войны.

Октавиан мог пойти по двум путям формализации своей власти. Первый заключался в облечении себя властью магистратур, в том числе чрезвычайных, например, диктатора. Однако, как убедительно показала Н. В. Чеканова, диктатура к тому моменту была дискредитирована действиями Суллы и Цезаря, а следовательно, обладала комплексом негатив-

ных коннотаций, связанных, помимо прочего, с нарушением римских законов, произволом и военным насилием [2, с. 458–460]. Получение через выборы основных магистратских постов, в частности консула, претора, цензора, также не могло обеспечить прочной легитимации его положения, поскольку по римским законам срок действия этих магистратур был ограничен годом, а на некоторые посты можно было избираться лишь один раз. Естественно, последние нормативы нарушались в течение всего I века до н.э., начиная с Гая Мария. Следовательно, Октавиан мог избираться комициями ежегодно на главные посты. Однако, как и в случае с диктатурой, в политической культуре Рима эпохи гражданских войн неоднократное и ежегодное занятие поста консула одними и теми же людьми (тем самым с непременным подкупом участников комиций), а также военное давление были тесно связаны с эпохой гражданских войн и произвола. Таким образом, Октавиан рисковал быстро лишиться поддержки и, следовательно, положения в государстве. Вторая модель легитимации предполагала выстраивание более сложных и гибких структур, в которых роль Октавиана Августа как главы государства носила бы имплицитный характер, а республиканские институты, осуществлявшие властные полномочия, в эпоху расцвета республики восстанавливались и формально были бы главенствующими. Сам император действовал бы в рамках восстановленной республиканской системы.

Разумеется, основатель Римской империи пошел по второму пути, поскольку планомерное проведение программы по восстановлению республики и римской *civitas* было более перспективным. Следует также сказать, что выстраивание новой политической системы шло двумя параллельными путями: создание идеологии принципата и выстраивание политических практик сообразно этой идеологии. Идеологическая работа, кипевшая в эпоху раннего принципата, в историографии, в том числе в отечественной, изучена достаточно полно. Выстраивание легитимации императорского поста опиралось в первую очередь на два концепта, созданных в эпоху между первым и вторым триумvirатом и в последующие за ними десятилетия. Этими концептами стали цицероновский «Принцепс» и возвращение «Сатурново Царства» Вергилия.

Сатурново Царство является одним из самых загадочных для науки мифологических конструкций, вместе с тем плохо изученных в

области римской религии. Оно, как миф, служило обоснованием существования в обществе и в универсуме вообще таких феноменов, как болезни, старость, смерть, жестокость. То есть несло смыслы теодицеи. Здесь видится связь с гесиодовским золотым поколением, и эта связь достаточно очевидная. Гесиод писал о золотом поколении как о высшем и лучшем человеческом роде из всех, какие когда-либо существовали. При этом он помещал период доминирования золотого поколения далеко назад во времени. Сатурново Царство имеет те же коннотации. То есть, согласно мифу, Сатурново Царство – эпоха, недалеко отстоящая от момента сотворения мира, эпоха, когда жило самое первое поколение людей, не испытывавших нужды ни в чем. Тогда людям к тому же были чужды какие-либо физические и душевные страдания. На этом фоне Вергилий написал в 40 году I века до н.э. свою знаменитую IV эклогу, в которой предрек рождение золотого ребенка, способного вернуть Сатурново Царство [3, р. 28]. Также важно, что несколько позже, в том числе и в «Энеиде», Вергилий поместит райскую землю именно в Италию, где и будет править этот золотой ребенок, что вернет Сатурново «царство без уничтожения железного поколения людей, живущих сейчас» [4, с. 112].

Исследователи сходятся во мнении, что под золотым ребенком принято было полагать именно Октавиана Августа [5, р. 18]. Таким образом, концепт возвращения вместе с ним блаженных времен стал активно распространяться в массы. Между тем непосредственным воплощением, то есть политической программой по реализации Сатурнова Царства, стала во многом *res publica restituta* со строем предков, которые, в свою очередь, несли в себе отголоски этого самого Сатурнова Царства. В результате настроения римлян были актуализированы и эксплицированы Вергилием. Он предложил яркий, мощный, эмоциональный и замифологизированный образ Октавиана Августа, претендовавший на роль Сотера.

Еще одним элементом идеологического дискурса, призванного легитимировать новый порядок, стал концепт «Принцепса». Его автором, как уже отмечалось, был Цицерон, концептуализировавший роль принцепса в диалоге «О государстве», написанном между 54 и 51 годами до н.э. В этом сочинении, Цицерон развивал мысль о том, что Рим в прежние времена представлял собой идеальное государство, поскольку тип правления,

доминировавший до гражданских войн, был смешанным. Под «смешанным государством» Цицерон понимал государство, в рамках которого сочетаются три основных типа политического устройства: монархического (в Риме представленного консулами), аристократического (сенат) и, наконец, полиция (народные собрания) [6, с. 47–49]. Однако важнее то, что в этом же диалоге он уделил много внимания и идеальному правителю, которого видел в фигуре «защитника и управителя государства». В V и VI книгах диалога Цицерон развивает идею, навеянную Платоном, о том, что идеальное государство является своеобразным отражением вселенского государства, основанного на принципе закона и справедливости. Тем самым это положение было синтезировано его же идей «Римского мифа» [6, с. 87].

Безусловно, Октавиан Август затем применял на практике и ряд других идеологических концептов, среди которых принято выделять лозунг о «*Pax Augusta*» – звание освободителя римского народа. Однако все они, так или иначе, следуют из предыдущих. Миротворец Август проистекает из его сотериологического образа, сформированного Вергилием, как и освободитель народа Римского. Сообразно с доктриной, почерпнутой из трудов Вергилия и Цицерона, развертывалось строительство новой властной структуры на практике, в будущем составившей основу политического управления принципата.

Первое, что предпринял Октавиан, – это обеспечение поддержкой со стороны армии. Для этого им было распущено 120 тыс. легионеров, получивших земельные наделы, в специально выведенные ветеранские колонии [7, с. 11]. Тем самым Август сократил разбухшую армию, оставив в ней только преданных воинов. Впрочем, важно то, что в эпоху республики со времен, предшествовавших реформам Гракхов, и вплоть до второго триумvirата принципиальным вопросом было выделение земли для раздач ветеранам [2, с. 28–31].

Однако еще более значимы следующие шаги Октавиана. В 28 году до н.э. он особым указом отменил все постановления, принятые триумvирами, затем простил долги перед государством римским гражданам и демонстративно сжег долговые расписки [3, Aug. 31–32]. Здесь также имело место скорее символическое действие, чем прагматическое. Дело в том, что на момент 28 года д.э. прежние указы уже никто не выполнял. Тем более что с юридической точки зрения они не имели силу

закона, так как приняты были не через магистратские эдикты или плебисциты. Долги же были преимущественно неликвидны, то есть процент их выплаты был крайне низок, и государство деньги вряд ли вернуло бы. Наконец, Август провел впервые за долгое время люструм – обряд, призванный очистить город от скверны.

Вышеописанные предприятия призваны были стать маркерами, разделяющими эпохи. Эпоху гражданских войн как эпоху дрязг, кровопролитий, страданий и новую эпоху – Римского возрождения, возрождения старых порядков и, в конце концов, приближения золотого века. Все эти шаги являлись, по существу, репрезентацией тех идеологических смыслов, которые должны были легитимировать положение Октавиана в государстве, укрепив поддержку со стороны всей римской *civitas*.

Среди наиболее важных политических ходов, сделанных Августом для облачения себя легитимной властью, можно также выделить чистку сената, в результате которой его численность была снижена с 1000 до 600 человек. По новому сенатскому списку ему было отведено место принцепса, то есть первого сенатора [8, с. 406, 433]. Эта должность, не имеющая прерогатив или особых полномочий, была, однако, наиболее почитаемая в Риме в связи со своей авторитетностью. Сенат же в 27 году до н.э. «приказал» Октавиану оставаться при государстве и вести управленческие дела. В 23 году до н.э. народное собрание наделило его не должностью, но властью народного трибуна пожизненно, что предоставило принцепсу священную неприкосновенность и право вето на любое постановление в государстве. В 12 году до н.э. Август стал великим понтификом, сконцентрировав всю полноту религиозной власти в своих руках. Римская религия была в полном смысле этого слова государственной: она являлась частью государственного аппарата управления, а главой религии и государства был один и тот же человек. Кроме того, Августом было проведено и административное деление империи на провинции императора, где были расквартированы легионы, и провинции народа римского, внутренние спокойные провинции [9, с. 24]. Тем самым Октавиан Август закрепил за собой функцию главнокомандующего и защитника Рима.

Заключение

Таким образом, Октавиан Август создал неинституализированную государственную

должность с размытыми полномочиями и черпающую свой легитимный статус из сложившейся в Риме политической культуры, играя на доминирующих в *civitas* конструктах. Так, он планомерно реализовывал на практике концепт идеального правителя Цицерона, выступая в роли защитника государства, так как вся полнота военной власти фактически перешла из рук консулов в руки императора. Поборник законности и справедливости, приближающий Рим к идеальному государству и римскому мифу, сжег долговые расписки, восстановил сенат и комиции. К этому же прибавляются и почетные титулы, которыми наделили первого императора сенат и комиции, а именно: «Первый гражданин», «*Pater patriae*» и «Спаситель отечества».

Однако очевидно, что подобные шаги все же нуждались в дополнительном подкреплении со стороны религии. Многие из политических акций, призванных сослужить в деле легитимации нового порядка, не могли претендовать на долговечный статус. Степень персонификации была достаточно велика, то есть почестями награждали именно Октавиана Августа. Поэтому перед ним стояла задача легитимации не только своего положения в государстве, но и положения самой должности. Безусловно, некоторые из предоставленных экстраординарных полномочий, например, принцепс, власть народного трибуна, великий понтифик, делали императорский пост достаточно прочным, но не легитимным в глазах римского гражданского общества. Оправданно не желая приращивать к императорской власти дополнительную власть магистратур, Октавиан решил обратиться к римской религии. Именно поэтому он произвел апофеоз Юлия Цезаря, ведь они относились к одной семье, а римская *familias* и статус предков в рамках нее представляли собой в римском обществе важный и очень сильный «капитал». Имея предков-магистратов, было значительно проще выиграть выборы, ведь их статус автоматически передавался, по крайней мере частично, потомкам [2, с. 129]. Затем практика апофеоза почивших Цезарей укоренилась и не применялась за исключением особо жестоких императоров. Также Октавиан взял имя Август, призванное подчеркнуть особенное божественное расположение. Завещание, или «Деяния божественного Августа», описывали подвиги, совершенные первым императором за его жизнь. Таким образом, установление культа императора необходимо рассматривать

в контексте преобразований Октавиана Августа как практику, призванную укрепить его легитимную роль в государстве, а также саму должность императора. Человека, имеющего непосредственное отношение к богам, особое их расположение и происхождение, ведущее к Ромулу, естественно, видели исключительно в роли «наставника государства», в роли, придававшей императору легитимный статус и расположение со стороны *civitas*.

Есть все основания выделить две главные причины введения культа императора в период раннего принципата. Первая – культ выступил дополнительным и важным элементом легитимации положения римского императора или принцепса в государстве. Идеи куратора государства, спасителя, принцепса могли выступить в качестве прочного фундамента для легитимации и артикуляции власти императора только в тесной связи с религиозным дискурсом, в котором был бы представлен культ императора. Вторая причина – необходимо было создать мощную символическую платформу для проведения и репрезентации идей, связанных не просто с первенствующими ролями принцепса в государстве, но и с его надсоциальной и надгосударственной составляющей, с ролью арбитра и высшей силы в рамках *Pax Romana*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Штаерман, Е. М.** Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. – М.: Наука, 1987. – 324 с.
2. **Чеканова, Н. В.** Римская диктатура последнего века Республики / Н. В. Чеканова. – СПб.: Гуманитарная академия, 2005. – 475 с.
3. **Vergilius Publius.** Eclogues. Georgics. Aeneid I-VI / Publius Vergilius. – London: W. Heinemann; Cambridge University Press, 1916. – 632 p.
4. **Чернышов, Ю.** Древний Рим: мечта о золотом веке / Ю. Чернышов. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 240 с.
5. **Tranquillus C. Svetonius.** De vita Caesarum / C. Svetonius Tranquillus. – Philadelphia: Gebbie & Co, 1889. – 880 p.
6. **Цицерон.** Диалоги: О государстве. О законах / Цицерон. – М.: Наука, 1966. – 224 с.
7. **Парфёнов, В. Н.** Император Цезарь Август: Армия, война, политика / В. Н. Парфёнов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 278 с.
8. **Машкин, Н. А.** Принципат Августа: происхождение и социальная сущность / Н. А. Машкин. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 685 с.
9. **Грант, М.** Двенадцать Цезарей / М. Грант. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – 272 с.

Поступила в редакцію 17.06.2024 г.

Контакты: Efremenkoivan1992@gmail.com
(Ефременко Иван Анатольевич)

***Efremenko I. A.* THE CULT OF THE
EMPEROR OF THE ROMAN EMPIRE:
REASONS FOR INTRODUCTION, PLACE
IN THE SYSTEM OF PRINCIPALITY,
ESSENTIAL CHARACTERISTICS**

The article analyzes the reasons for the introduction of the cult of the emperor by Octavian Au-

gustus, as well as the role of the cult in the political and religious life of the Roman state in the I-II centuries AD. The article providing a close analysis of historical sources establishes that the cult had purely Roman roots, in its nature it was a complex of decentralized practices of veneration not so much of the emperor himself, but of his special divine status, guardian spirits, as well as veneration of already deceased emperors.

Keywords: Roman Empire, Octavian Augustus, imperial cult, principate, Roman religion.